

И.Н. Стрекалов, А.А. Фокин

«КАЖДАЯ СТРОЧКА ПРОЕКТА НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ ПРОНИКНУТА ЗАБОТОЙ О СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И МОРАЛИ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ 1977 г.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 20-09-00218 «Практики взаимодействия власти и общества в позднесоветский период (1956–1985 гг.)».

Принятие Конституции 1977 г. сопровождалось Всенародным обсуждением, в ходе которого было высказано множество предложений об изменении и дополнении различных статей проекта Конституции. На основе анализа материалов выявлены различные представления граждан о принципах справедливости при социализме. Отмечается, что частым мотивом в предложениях было стремление людей восстановить справедливость (социальную, гендерную, экономическую и др.) и закрепить в Конституции более справедливое устройство советской системы.

Ключевые слова: Конституция 1977; советское общество; моральная экономия; письма во власть; советское общество.

15 января 2020 г., выступая с Посланием Федеральному собранию РФ, Владимир Путин предложил внести поправки в Конституцию РФ. Инициатива Президента привела к тому, что стало поступать значительное количество предложений, связанных с желанием отдельных людей или групп населения закрепить в Основном законе страны определенные положения. Часть этих предложений попала в окончательную редакцию, а остальные были отклонены. Но этот процесс показывает, что многие воспринимают Конституцию не только как юридический документ, но и как механизм преобразования действительности.

Схожие явления можно обнаружить и при анализе разработки и принятия Конституции 1977 г. Традиционно этот документ рассматривался или в рамках политической истории, или как часть истории государства и права. Первые попытки осмысления всенародного обсуждения Конституции были сделаны еще в советский период [1, 2], но они носили не критический характер и ориентировались на подтверждение правильности курса партии и правительства. В постсоветской историографии точка зрения на всенародное обсуждение Конституции резко поменялась. Утвердилась идея, что участие населения носило чисто формальный и декоративный характер в рамках тоталитарного советского режима [3–5]. В последнее время происходит пересмотр такой позиции: так, в своей диссертации И.В. Иванов пишет, что общественное обсуждение выполняло следующую цель: «выявление мнения граждан относительно того или иного вопроса, имеющего государственное либо местное значение» [6. С. 195]. Е.А. Казаков анализирует материалы оппозиции, выработанные в ходе обсуждения проекта Конституции 1977 г. Хотя представители оппозиции не видели возможности конструктивного сотрудничества с советским режимом, активное обсуждение позволило им структурировать свои политические позиции и это стало базой для формирования политических организаций в период перестройки [7. С. 51].

Наш тезис заключается в том, что всенародное обсуждение Конституции 1977 г. было одним из механизмов взаимодействия власти и общества. Власть со своей стороны стремилась мобилизовать население;

такие мобилизационные компании в СССР проводились регулярно, например, в рамках выборов в Верховный Совет СССР или проведения съездов КПСС. Различные группы населения, в свою очередь, старались использовать возможность коммуникации с властью для решения собственных проблем. Такой подход к позднесоветскому обществу как сложному коммуникативному полю, где действует множество акторов, позволяет поставить вопрос о формировании нового аналитического языка описания советского проекта в целом и позднесоветского периода в частности, а также даст основания оспорить ряд устоявшихся стереотипов, например, о гомогенности советского общества, когда во многих работах понятию «власть» противопоставляется понятие «общество» как нечто единое и монолитное. Анализ предложений граждан показывает, что в советском обществе существовало множество групп и точек зрения, поэтому вместо единомыслия лучше говорить о разномыслии. Борис Фирсов, который предлагает использовать категорию разномыслия, отмечает: «Человек начинал видеть и осознавать свою позицию на фоне позиций других; более того, он получал возможность модифицировать свою позицию, видя, куда склоняется барометр мнений» [8. С. 354]. Такая точка зрения служит основанием для критики еще одной популярной концепции – Homo soveticus (человек советский). Появившись в работах эмигрантов (Михаила Геллера [9] и Александра Зиновьева [10]), эта концепция становится важным элементом в работах Юрия Левады [11]. Концепция Homo soveticus предполагала наличие пассивных и безынициативных людей, которые являлись скорее объектами, чем субъектами общественной жизни. Алексей Юрчак отмечает: «Если в подобных описаниях и допускается, что у советского субъекта могла иметься собственная воля, голос этого субъекта все равно во внимание не принимается, поскольку из-за притеснений и страха этот голос якобы не может считаться истинным» [11. С. 39]. По мнению Алексея Юрчака, такой подход связан с господством бинарных оппозиций (советское – антисоветское, цензурное – неподцензурное, искреннее – фальшивое и т.д.) при анализе советского прошлого [12].

В данной статье на основе одного кейса, связанного с принятием Конституции 1977 г., будет продемонстрировано, что бинарный подход является существенным упрощением при анализе советской системы и не может в полной мере описывать взаимодействие власти и населения. Особенно это актуально применительно к позднесоветскому периоду, когда возникает необходимость поиска новых механизмов мобилизации населения. В рамках методологии истории повседневности стоит обратить внимание именно на голоса «снизу», что позволит выявить множественные точки зрения на советскую систему, ее достоинства и недостатки.

Основные материалы Всенародного обсуждения проекта Конституции 1977 г. хранятся в фонде Верховного Совета СССР Государственного архива Российской Федерации (Ф. 7523 ГА РФ). На практике люди отправляли свои предложения в адрес ВС СССР, ЦК КПСС, редакции газет и т.п. В аппарате Президиума находилась специальная группа сотрудников, которой было поручено разбирать, анализировать содержание писем и выявлять конкретные предложения. Следует понимать, что не всегда письма содержали их – это могли быть рассказы о личной жизни, написанные под видом интереса к Конституции, просьба решить конкретную житейскую проблему; иные присылали с письмом школьную тетрадку, в которой писали свой «проект Конституции»; наконец, были вполне содержательные послания, в которых высказывались конкретные предложения. Со всем этим многообразием людей и их мыслей приходилось сталкиваться сотрудникам аппарата Президиума Верховного Совета СССР.

Отдельно необходимо отметить и сопроводительную делопроизводственную документацию, составленную сотрудниками аппарата Президиума Верховного Совета СССР. Так, все предложения обобщались в справки по обращениям граждан, которые направляли или в Редакционную подкомиссию Конституционной комиссии, или председателю Комиссии лично. В справке указывались краткое содержание предложения, его автор и место его нахождения. Предложения систематизировались по группам в зависимости от того, к какой сфере они относились (государственный и общественный строй, права и свободы, органы власти и пр.). Автору письма при этом в ответ направляли лаконичную формулировку о принятом предложении: в ряде случаев писали, что оно просто принято, в остальных – принято и будет рассмотрено. Думается, исходя из характера проанализированных писем, что в первом случае сведения о предложении просто приобщались к делу, а во втором – анализировались и включались в справку. На анонимные письма, естественно, ответы не давались, однако их содержание также могло быть отражено в обобщающей справке.

Помимо письменных предложений частью всенародного обсуждения были и устные выступления. Они входили в краткой форме (по существу предложения; иногда сопровождалась комментарием, оценочными суждениями автора) в обобщающие сводки в виде извлечений, выражавших конкретные предло-

жения к Конституции. Сводка составлялась в виде таблицы, в колонках которой содержались следующие сведения: само предложение, его автор (ФИО, социальный статус), место внесения предложения (радио, газета, публичное мероприятие, собрание), количество аналогичных данному предложений. По итогам выступлений о проекте Конституции на соответствующем уровне территориальной власти создавалась сводка по первичной информации, поступившей от местных органов, затем она подавалась в вышестоящий территориальный орган, а оттуда – в обобщенном виде – в союзную республику, которая направляла материал в Президиум Верховного Совета СССР. Последний обобщал все предложения по порядку, в котором шли статьи в проекте Конституции, и создавал информационную сводку по административно-территориальным образованиям за определенный промежуток времени, которая поступала с сопроводительным письмом в ЦК КПСС перечисленным отдельным списком лицам (в том числе, конечно, сотрудникам аппарата Президиума) для дальнейшего рассмотрения. Примечательно, что в Президиум ВС СССР поступали и сводки с партийных собраний, которые, разумеется, отдельно отслеживались по линии органов КПСС, начиная от местных и заканчивая Центральным комитетом.

Для того чтобы определить место всенародного обсуждения проекта Конституции СССР в контексте истории конституционной реформы 1960–1970-х гг., необходимо обратиться к периодизации этого важного общественно-политического процесса позднесоветского периода. Авторы данной статьи придерживаются подхода, согласно которому возможно выделить четыре этапа конституционной реформы [13. С. 31–76]: первый, хрущевский (1962–1964 гг.), и три последующих в рамках брежневской эпохи: 1968–1972 гг., 1973–1974 гг. и март–октябрь 1977 г. Поскольку известно, что при Н.С. Хрущеве проект Конституции собирались выносить на обсуждение (вероятно, на партийном уровне, но не исключено, что и на всенародном) к концу 1964 г., а сам факт создания Конституционной комиссии при Верховном Совете СССР еще весной 1962 г. был публично оглашен, советские граждане испытывали определенный интерес к проекту, присылали свои предложения, замечания, даже целые многостраничные проекты. Однако приостановка работы над проектом после смещения Н.С. Хрущева, долгое молчание со стороны печати и средств массовой информации пробуждали в отдельных гражданах интерес к вопросу о принятии Конституции. Поэтому, несмотря на отсутствие работы над проектом Конституции (насколько это следует из источников, имеющихся в нашем распоряжении на сегодняшний день), имели место «конституционные ожидания» в 1965–1967 и в 1974–1976 гг.: поступали письма в Президиум ВС СССР с предложениями о том, что стоило бы возобновить работу над проектом, а поток разнообразных предложений и суждений по этому вопросу в формате писем не прекращался ни на один год. На втором и третьем этапах реформы проект Конституции, его отдельные положения по разным причинам разрабатывались вне публичного про-

странства партийными органами и уполномоченными на то сотрудниками аппарата Президиума ВС СССР. Инициатива граждан, таким образом, будучи проявленной, оставалась учтенной, но публичного ответа в их адрес со стороны власти не последовало. Наконец, в 1977 г., в том числе в связи с завершением формирования идеологии развитого социализма, установлением политической стабильности на вершине власти – в Политбюро ЦК КПСС – и грядущим 60-летием Октябрьской революции руководством страны было решительно инициировано ускорение завершения работы над проектом Конституции СССР. Сотрудники аппарата Президиума ВС СССР по партийному заданию подготовили проект. Весной 1977 г. публично вновь было сказано о составе Конституционной комиссии (который уже не в первый раз был обновлен), прошел Пленум ЦК КПСС. Обо всем этом говорилось на всю страну. Таким образом, простым гражданам наконец-то снова было дано знать о возможности, необходимости и важности проявления инициативы – органы власти организовали всенародное обсуждение, которое растянулось на несколько месяцев. Именно на этом, четвертом этапе реформы, продолжавшимся в течение 1977 г., советские граждане получили наибольшую, чем когда-либо в истории реформы (хотя их предложения учитывались при составлении вариантов проектов и ранее), открытую возможность реализовать свои устремления, представить свое видение проблем, существующих в обществе и государстве, а также решение, выразив их в форме предложений о поправках в конституционный проект. Рассмотрение позиций советских граждан в этом свете и представляется насущной задачей настоящего исследования.

Анализируя материалы всенародного обсуждения, можно отметить, что хотя критические замечания в адрес советской системы в целом и встречались, но их количество не очень большое. Конечно, открыто высказывать свое недовольство режимом решались не все, но, даже делая поправку на это, можно сказать, что большинство граждан было лояльно настроено к советской системе. Следует отметить, что некоторое время выходил бюллетень «Вокруг проекта Конституции СССР. Голоса тех, кто не согласен, критикует, спорит». Бюллетень был инициирован бывшим генералом Петром Григоренко (1907–1987), а редактировался Раисой Лерт (1906–1985). Всего вышло пять номеров. В них печатались письма с предложениями поправок, которые не были напечатаны в официальных СМИ. При этом спектр критических замечаний был широк: верующие жаловались на запрет религиозной пропаганды при одновременном разрешении и фактической государственной поддержке пропаганды атеистической, многие авторы подчеркивали необходимость десталинизации на уровне законодательства [7. С. 47]. Следует отметить, что расхождение между положениями Конституции и реальной правоприменительной практикой фиксируется не только в текстах диссидентов-интеллигентов, но и в фольклоре, который отражает представления на низовом уровне: «В новой Конституции есть все права, кроме одного – права на их реализацию»; «Приходит грузин

в ресторан, берет меню и говорит официанту: “Принесите мне, пожалуйста, шашлык”. – “Шашлыков, к сожалению, нет”. – “Но ведь в меню есть”. – “В меню есть, а на самом деле нет”. – “Тогда дайте бастурму”. – “Бастурмы, извините, тоже нет”. – “Но в меню же есть”. – “меню есть, а на самом деле нет”. – “Ну дайте тогда суп харчо”. – “И харчо нету”. – “Послушай, дорогой, это у тебя меню или Конституция СССР?!”» [14. С. 664–665].

Были и мнения, в которых полностью одобрялся проект Конституции с опорой на собственные наблюдения за тем, как развивается жизнь в стране. И.С. Михайлов, механизатор Кушнаренковского районного объединения «Сельхозтехника» (Башкирская АССР), одобряя проект Конституции, на собрании рабочих и служащих в августе 1977 г. заявил: «Более 40 лет работаю в районном объединении “Сельхозтехника”, и все успехи достигнуты на моих глазах. Начинали работать с несколькими тракторами, а сейчас их у нас сотни, и их мощность в сотни раз сильнее, да и работать на них удобнее. Это ли не достижения нашего строя?» [15. Л. 145]. Тем самым подводились итоги исторического развития страны, Конституция воспринималась как отражение достижений, того, что сделано в государстве для блага людей за долгие годы.

Большинство предложений касалось изменения конкретных аспектов жизни внутри системы, а не ее кардинальной перестройки. Хотя некоторые авторы и предлагали свой взгляд на изменения государственного устройства. Например, пенсионер П.И. Алисов (г. Липецк) предлагал закрепить отчетность депутатов Советов перед избирателями не менее двух раз в год. Он обосновывал это собственными наблюдениями над деятельностью депутатов: «За мою бытность избирателем я еще ни разу не слушал депутатского отчета перед избирателями, ни большого (в Верховный Совет), ни маленького – в местный Совет... И выходит, что депутаты в течение избирательного срока действуют бесконтрольно со стороны Народа, и даже в таких случаях, когда они прежде, чем решить, должны посоветоваться с Народом» [16. Л. 12–12 об]. Видимо, такое предложение было связано с ощущением того, что связь между гражданами и избранными ими депутатами несколько ослабевает, становится формальной. Представленное конкретное предложение было выделено карандашом сотрудника аппарата Президиума в тексте подлинника письма. Были и не просто критические замечания или предложения, но и волеизъявления граждан, направленные на, как им представлялось, конструктивную поддержку основ государственной власти. Так, Ш.Ю. Аминов (г. Ленинград), рабочий, в письме от 27 августа 1977 г. предложил изменить структуру Верховного Совета СССР, создав вместо двух палат – Совета Союза и Совета Национальностей – одну палату – «Совет Союза и Национальностей», мотивируя это тем, что существующие палаты равноправны, состоят из равного числа депутатов, избираются представителями всех 15 союзных республик: «Неужто то, что могут решать 1 500 и 2 000 депутатов обеих палат, не смогут решить 700 депутатов Совета Союза и Национальностей

на своем заседании?.. Недаром говорят, что мал золотник, да дорог. Пусть наших 700 депутатов будут мало, но зато они будут золотом!» [16. Л. 56]. Аминов выразил надежду на то, что его предложение к проекту Конституции послужит ему «пропуском» на заседания палат Верховного Совета, чтобы посмотреть, как они работают. Дальше он писал похвалу себе и в адрес советского руководства: «Аминов я Татарин, Шакур я Советянин! Я ведь Советский рабочий! Основа, фундамент и мощь всего Советского государства! Основа, фундамент и мощь самого передового, самого гуманного человеческого архитектурного здания...» [16. Л. 56]. Аминов в связи с такой позицией выдвинул ряд предложений по более общим вопросам конституционного проекта. Например, начать Конституцию он предлагал такими словами: «Каждый день моего, т.е. нашего труда, это воплощение Ленинского ума! А каждый миг моего, т.е. нашего ума, это воплощение Ленинского труда!» [16. Л. 57]. Всенародное обсуждение он предлагал продлить еще на месяц, поскольку считал, что Конституция от этого только «выиграет». Аминов выражал надежду в конце письма: «Я надеюсь, что мои письма с предложениями попадут в руки не бюрократам, холодным и полусонным. А они попадут к истинным сынам и дочерям нашей страны с пылающими сердцами Марксистско-Ленинской идеологии» [16. Л. 58]. В качестве приложения к письму было дано несколько листов стихотворений авторского сочинения.

Другие участники Всенародного обсуждения проекта Конституции старались исправить отдельные недостатки советской системы. Инженер механического завода Д.П. Абрамов (г. Воркута, Коми АССР) затронул вопрос наиболее полного использования трудовых ресурсов на благо экономики страны. Одну из повседневных проблем, деструктивно влиявших на это, он видел в неправильном режиме работы служб быта, чье рабочее время совпадает со временем всех остальных трудящихся и приходится на будние дни.: «...все ремонты домашней бытовой техники, квартирных коммуникаций производятся только в рабочие дни, в рабочее время – “ждите мастера в течение дня”. ...Рабочее время рабочих и служащих должно быть неприкосновенно» [17. Л. 62]. Автор письма предлагал закрепить такое положение в Конституции: «Министерства, ведомства, местные органы государственной власти обязаны обеспечить возможность наиболее полного использования рабочего времени трудящихся, исключив его потери, связанные с бытовым, торговым, медицинским, транспортным и другим обслуживанием» [17. Л. 62]. Сотрудник аппарата Президиума ВС СССР, читавший письмо, выделил квадратными скобками карандашом обозначенное предложение полностью, пометив его скобкой крестиком.

В публичных выступлениях граждан во время всенародного обсуждения проекта Конституции СССР также поступали предложения, продиктованные жизненным опытом их авторов. Например, рабочий М.В. Карманов (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР) предлагал ввести для всех месячный отпуск и 40-часовую рабочую неделю без привлечения к рабо-

те по субботам, обосновывая это так: «Уверяю вас, народ оценит такое внимание и заботу к себе и будет работать еще лучше. Я рабочий и душой чувствую, что так только выиграет наша страна. У меня месячный отпуск по вредности, но я считаю, что всем нужен месячный отпуск. Это правильно и давно пора. Наш народ не такие горы свернет и главная опора – это наш народ, наш рабочий» [18. Л. 163]. В письме на радио учительница-пенсионерка Виноградова предлагала сократить пенсионный возраст учителям с 55 до 50 лет, мотивируя это так: «Мы знаем, что Л.И. Брежнев борется за мир, свободу, за улучшение жизни советским людям и очень-очень многое сделал и делает для нас, чтобы мы еще лучше жили на земле. Дай ему бог здоровья и долгих-долгих лет жизни. Я старая учительница и почти совсем не вижу, а поэтому убедительно прошу внести в Конституцию, чтобы всем учителям пенсию назначали не с 55 лет, а с 50. Пусть они поживут и для своей семьи, и для себя. Ведь это же адский труд быть учителем. Если Леониду Ильичу об этом сказать лично, думаю, он поможет» [19. Л. 61]. Примечательны столь лояльная апелляция к руководителю страны, надежда на то, что до него дойдет пожелание автора.

Все-таки основные проблемы люди видели в расхождении между их представлениями о правильном и справедливом устройстве советского общества и элементами реальности, с которой они сталкивались в повседневной жизни. Во многих письмах и выступлениях видны конкретные случаи из жизни, которые стали триггерами для формирования конституционных предложений.

Такая логика в значительной степени совпадает с концепцией «the moral economy», которую сформулировал Эдвард Плампер Томпсон на основе изучения народных волнений в Англии в XVIII в. [20] По его мнению, восставшие крестьяне поднимали бунты не только из-за повышения цен на продовольствие и голода, но и из-за нарушения представлений о традиционных социальных нормах. Как только, по мнению крестьян, прежнее положение вещей было достигнуто, они прекращали свою активность. Таким образом, они не являлись рациональными экономическими субъектами и могли руководствоваться, прежде всего, не своей выгодой, а моральными установками. В рамках обсуждения Конституции 1977 г. не было массовых народных волнений, но многие поправки несут в себе следы представлений о нарушениях социалистического порядка. По мысли значительного количества граждан, новая Конституция как основной закон страны должна была исправить те аспекты советской повседневности, которые не укладывались в представления о должном. Отметим сразу, что не существовало универсальных моральных критериев и то, что было неправильным для одних, могло быть приемлемым для других.

Советская система декларировала равенство своих членов; так, статья 34 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии,

рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни» [21]. Но на практике этот принцип не всегда соблюдался. Поэтому популярным мотивом в обращении граждан было восстановление социального равенства. В письме от 8 июля 1977 г. рабочий совхоза Г.С. Абалымов (Алтайский край) рассказывал, как он был обеспечен местом для проживания в городской гостинице г. Асино Томской области: «Мне разрешили переночевать в коридоре на столе. Рядом со мной пустовал отдельный номер на одного человека – ковровые дорожки, диван, телевизор, телефон – для райкомовских работников – если таковой соизволит прибыть» [17. Л. 14]. В колхозе «40 лет Октября» (с. Волчанка Куйбышевской области) он наблюдал другой, как ему казалось, интересный сюжет в столовой, где имело место самообслуживание: «Пришел председатель колхоза с парторгом. Прошли в отдельный кабинет. Повар сам пошел получить заказ и лично подал обед. Я поинтересовался у повара и спросил, что, может, они стесняются есть в общем зале из-за того, что держат ложку ногами, то мне он сказал, нет, это для поднятия авторитета» [17. Л. 14 об.]. Абалымов задавался вопросом: зачем делить общество на большинство и меньшинство? По его мнению, вне равенства невозможно существование свободы, поэтому он просил сообщить ему, сохранится ли такое положение дел после принятия Конституции «на практике». Понимая, что ему будут отвечать рядовые работники, а не сам Председатель Конституционной комиссии Л.И. Брежнев, автор письма, однако, заявил, что их ответ он будет отождествлять с его ответом. Абалымов поднял вопрос о реализации общего конституционного принципа равенства граждан в жизни, увидев одну из проблем своего времени – укрепление позиций партийно-государственной номенклатуры в самых разных его проявлениях, вплоть до обособления управленцев разных уровней в повседневной практике. В.И. Аверьянов (г. Норильск), «рядовой гражданин СССР» (по собственному определению), комментируя статью о равенстве всех граждан, возмущался: «Положение в обществе можно достичь, к примеру, и удачным замужеством, а не трудом. Какой-то абсурд!» [17. Л. 120].

Не только социальное, но и гендерное равенство волновало людей. Речь прежде всего идет о женщинах, активно высказывавшихся по поводу статьи 35, в которой декларировались равные права мужчин и женщин. Несмотря на то что большевики сразу после прихода к власти сделали множество шагов в решении женского вопроса, гендерное неравенство в СССР было достаточно отчетливо выражено. При этом власти не приветствовали публичное обсуждение этих вопросов со стороны граждан. Если на Западе в послевоенный период активно развивается феминистское движение, то в СССР заботу о положении женщин брало на себя государство [22]. Поэтому женщины, а иногда и мужчины старались внести в текст Конституции положения, которые должны были, на их взгляд, улучшить ситуацию в этом вопросе. Н.Т. Кумачева предлагала: «Женщинам-работницам предоставлять больше льгот, в частности выделять

больше мест в семейных пансионатах, домах отдыха, санаториях» [23. Л. 5]. Е. Катачин на партсобрании высказал предложение: «Предлагаю установить для женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 2-х лет, шестичасовой рабочий день» [23. Л. 18]. Схожую мысль озвучил и В.Х. Конопков: «Женщинам, имеющим двух и более детей, сократить рабочий день на 1 час с его оплатой» [23. Л. 35], и А.Ф. Демидова: «Увеличить продолжительность отпуска женщинам-работникам, имеющим 3-х и более детей, предусмотреть уход на пенсию с 50 лет» [23. Л. 104]. Были еще и такие предложения: «Государство в законодательном порядке предусматривает для женщин соответствующие их полу и здоровью условия труда и жизни» [23. Л. 143], «Женщины, имея 30 лет трудового стажа, могут уходить на пенсию вне зависимости от возраста, а затем по возможности продолжать трудовую деятельность» [23. Л. 144]. Писавшая из г. Куйбышева Е. Алексеева рассказала историю о соседке, работавшей медсестрой, у которой в браке родилось четыре близнеца (две девочки и два мальчика): «Им с мужем дали 3-х комнатную квартиру, обставили мебелью, а уход она должна была обеспечить за детьми сама. Пошли в горисполком с просьбой создать ей условия, а там ей сказали, что... даже в конституции об этом ничего не сказано. А в ясли теперь берут с 1 года» [24. Л. 191–191 об.]. Алексеева была обеспокоена тем, что соседка просто физически не сможет, пока муж работает и обеспечивает семью, ухаживать сразу за четырьмя детьми. Она предполагала, что для таких жизненных ситуаций «об этом надо где-то вынести какой-то закон» [24. Л. 191 об.].

Видно, что проблема равенства женщин и мужчин в СССР воспринималась прежде всего через призму социальных гарантий и регламентации рабочего процесса. Хотя в лексиконе советских женщин не было понятий «вторая смена» и «гендерный контракт работающей матери», они осознавали диспропорцию в распределении труда в семье и поэтому хотели, чтобы государство компенсировало это через льготы на работе, тем самым восстановив справедливость и реализовав принцип равенства мужчин и женщин.

Помимо социального и гендерного равноправия, частым сюжетом было и стремление граждан закрепить в Конституции представления об экономической справедливости. Можно сказать, что в позднесоветский период формируется особый тип общества потребления и различные потребительские товары – от жилья и автомобиля до продуктов и одежды – становятся мерилами качества жизни. Во многом это было связано с постоянным дефицитом множества товаров широкого спроса и политикой уравнивания доходов населения. Поэтому те люди, которые выбивались из границ доходов и потребления, вызвали острую реакцию у значительного количества граждан. Тема экономической справедливости отчетливо проявляется в предложениях по поводу статьи 13 Конституции 1977 г.: «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная

собственность граждан и право ее наследования охраняются государством. <...> Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества» [21]. Вокруг ограничения и запрета нетрудовых доходов и строятся многие предложения. А. Веверис предлагал дополнить статью указанием, что личный труд является «единственным источником доходов в нашем обществе» [23. Л. 15]. Острую реакцию вызывали торговцы на рынках, которые продавали продукты по ценам гораздо более высоким, чем в магазинах, и тем самым были потенциальными обладателями высоких доходов, не связанных непосредственно с производством. Пенсионерка Э.Ю. Дрилле сформулировать часть статьи так: «Имущество и земельные участки, находящиеся в личной собственности и пользовании граждан, не могут служить для извлечения нетрудовых доходов или использоваться во вред общества» [23. Л. 57], а житель Риги Н.Д. Сомин прямо предлагал: «Государство обязуется организовать заготовку излишних продуктов от хозяйств, находящихся в личном пользовании граждан, а также установить контроль за ценами на колхозном рынке» [23. Л. 57]. Отдельные граждане критиковали известную повседневную практику, когда владельцы квартир сдавали их полностью или по комнатам нуждавшимся в жилье людям и получали за счет этого дополнительный доход. Поэтому в ходе обсуждения проекта Конституции раздавались многочисленные голоса о том, чтобы ограничить или запретить такую практику в СССР. Я.П. Литвинов из Киевской области предлагал: «Лица, добровольно подселившие к себе жильцов за высокую квартирную плату с целью наживы, лишаются права на жилплощадь, на которую произвели подселение (исключая личную собственность)» [25. Л. 71]. Инженер из Хабаровского края В.П. Кудрявцев высказался за поправку «О запрещении владельцам жилых домов сдавать в аренду излишки жилой площади с целью получения нетрудовых доходов» [25. Л. 18]. Хотя, с точки зрения законодательства, сдача жилья внаем или продажа продуктов на рынке и ряд других экономических практик не считались запрещенными, они вступали в противоречие с представлениями части населения о «правильном» социалистическом обществе. Следовательно, поправки в Конституцию должны были ликвидировать разрыв между моральными нормами и положениями в законах.

Совершенно не случайно вопросы получения доходов от сдачи жилья внаем часто встречаются в обсуждении Конституции: жилищная проблема остро стояла на протяжении всей советской истории. М. Меерович даже выдвинул концепцию, что в довоенный период нехватка жилья была осознанным инструментом властей для контроля над населением [26]. Хотя с хрущевского периода начинается массовое жилищное строительство, население по-прежнему испытывало нехватку жилья. Показателем остроты вопроса может служить тот факт, что в 1986 г. М.С. Горбачев инициирует программу «Жилье-2000», согласно которой каждая семья должна была получить квартиру или дом к 2000 г. Если анализировать

обращения населения к власти не только в рамках всенародного обсуждения проекта Конституции 1977 г., то можно увидеть, что квартирный вопрос оказывается вторым по популярности после проблем с продовольствием. Директор совхоза Р.Е. Казбукис предлагал дополнить статью 44 формулировкой «при предоставлении гражданам жилой площади учитывать их вклад в общественное производство» [23. Л. 156], а участник Гражданской войны Б.К. Евдаев в письме ЦК Компартии Латвии писал: «Все жилищное строительство, в том числе и ведомственное, должно поступать в распоряжение жилищных органов и должно являться достоянием местных Советов. Учет нуждающихся в площади воедино централизовать. Ведомственные дома заселять согласно общей очереди, комиссией местных Советов. В первую очередь по представленному заранее ходатайству – списку нуждающихся работников организаций, построивших дом, с учетом норм, существующих для данной местности» [23. Л. 157]. В этом предложении видно, что автор, с одной стороны, стремится предложить более справедливый путь распределения жилья – «общую очередь», в которой все оказываются равны, а с другой стороны, выступает против практики ведомственного строительства, когда отдельные организации, обладая дополнительными ресурсами, могли обеспечить жильем своих сотрудников, в то время как другие граждане вынуждены были годами ждать жилья. То есть важно было не просто наделить советских людей жильем, но и сделать это справедливо.

Ю.О. Авдисов (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинская АССР) рассказал Конституционной комиссии в своем послании куда более грустную историю: «Я – инвалид труда, получил увечье на производстве, в гараже обкома партии, во время ремонта автомашины. У меня ампутирован правый глаз и травмирована голова. После травмы часто болею. Живу 22 года в квартире без удобств...» [17. Л. 131]. Авдисов просил «внести в конституцию закон» о предоставлении жилья инвалидам, пострадавшим на производстве. Гражданка Иванова из Тамбова писала: «Кто пишет, что в первую очередь жилье надо давать пенсионерам, а кто пишет – молодоженам. Нет, товарищи! Молодожены пусть еще поработают, а то они начнут жениться ради жилья, а потом будут разводиться. А пенсионерам пора хотя бы на старости лет дать квартиру, ибо в пенсионном возрасте уже нет здоровья работать и хлопотать о жилье» [27. Л. 154]. В этом предложении можно увидеть сразу несколько важных аспектов в сознании населения: 1) автор знаком с разными предложениями в Конституцию, знает, что одни люди предлагают одно, а другие – другое, что означает внимание к обсуждению проекта Конституции; 2) даже после выхода на пенсию не все люди в СССР были обеспечены отдельным жильем; 3) получение жилья имело такую ценность, что ради него люди могли пойти на заключение брака; 4) для получения жилья необходимо было «хлопотать», и эти хлопоты требовали значительных усилий. Поэтому перераспределение жилья в пользу пенсионеров для автора было более справедливым. Можно предположить, что она сама была на пенсии и таким обра-

зом стремилась решить и свои личные жилищные проблемы, но формулировалось это через заботу о всех пенсионерах и более справедливом устройстве советского общества.

Поступали в адрес Конституционной комиссии и рассуждения общего характера, в которых поднималась проблема, но не предлагался путь ее конкретного решения путем закрепления положения в проекте Конституции. Так, А.К. Барчева (г. Москва) писала о шумных соседях, досаждающих отдельным жильцам квартир и тем самым нарушающих их право на отдых: «Советская власть, вручая ордер на жилую площадь главе семьи, награждает его не только правами, которые хорошо знают все, но и обязанностями о соблюдении правил пользования жилым помещением, от которых отдельные хозяева отмахиваются как от назойливой мухи. Есть и такие, что не соблюдают вовсе. Ведь зачастую скромные люди много работают и, естественно, нуждаются дома в отдыхе» [28. Л. 291]. Однако автор письма лишь ставит вопрос о возможном принятии решения по этой проблеме в Конституции, не предлагая ни конкретной формулировки самого положения, ни, тем более, текста статьи. Скорее, подобные письма представляли собой реакцию на жизненную ситуацию, «крик души» в подходе, как казалось авторам писем, момент.

Встречаются в обсуждении проекта Конституции и предложения, направленные на усиление мер против лиц, покинувших пределы Советского Союза. Например, рабочий мостостроительного треста г. Риги высказывал следующую мысль: «Граждане СССР, выехавшие по своему настоянию за пределы СССР и оставшиеся для постоянного проживания в других странах, лишаются безвозвратно гражданства СССР и не пользуются никакой защитой и покровительством Союза ССР» [23. Л. 35]; схожую мысль высказывал и заведующий Рижским вычислительным центром А.И. Клевченков: «Дополнить: Граждане СССР, покинувшие социалистическую Родину, навсегда лишаются права советского гражданства и возврата в СССР» [23. Л. 18]. Необходимо отметить, что к 1977 г. различные способы покинуть пределы СССР, как легально, так и нелегально, становятся массовым явлением. По-

казателем этого может служить тут факт, что с 1973 г. угон самолета становится самостоятельным преступлением, что свидетельствует о росте числа подобных деяний. Также в 1973 г. СССР ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах, после чего СССР формально признавал за гражданами право на эмиграцию. Пимом этого были люди, которые сбежали за границу во время командировок, турпоездки или работы за рубежом. В Риге как портовом городе люди знали, что нередко случаи, когда во время захода корабля в иностранный порт члены экипажа оставались на суше. Для многих советских граждан за граница виделась, прежде всего, как территория изобилия. В условиях постоянного товарного дефицита иностранные товары имели особый статус. Поэтому люди, которые оказывались в странах Запада, в глазах бывших соотечественников становились обладателями особых благ. Чтобы восстановить моральную справедливость, их необходимо было чего-то лишить и статус советского гражданина хоть и был нематериален, выглядел единственно равноценным ресурсом.

Архивные материалы показывают, что всенародное обсуждение проекта Конституции 1977 г. воспринималось населением как действенный механизм взаимодействия с властью и возможность решить насущные проблемы. Значительная часть населения активно участвовала в идеологической кампании, при этом не ограничивалась шаблонными фразами, а предлагала зафиксировать в тексте Конституции собственные представления о том, как должно быть устроено советское общество. В большинстве случаев эти предложения были связаны с личным опытом авторов. Поэтому мы видим достаточно большой спектр представлений, которые циркулировали внутри советского общества. Советские люди не были пассивными участниками, они воспринимали себя и действовали как субъекты советской системы. Хотя на практике не все предложения населения отразились в итоговом тексте Конституции 1977 г., но партийно-государственный аппарат получил информацию о проблемах и ожиданиях населения, что в дальнейшем отразилось на принятии законов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злоказов Г.И. Документы всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР как исторический источник. М. : Наука, 1984. 135 с.
2. Кронский В.С. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1977 года в развитии законодательства // Правоведение. 1985. № 2. С. 42–46.
3. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1997. 650 с.
4. Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М. : Мысль, 2014. 1088 с.
5. Бычков В.А. Обсуждение проекта Конституции СССР 1977 г. на страницах периодической печати // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск, 19–20 апреля 2007 г. Томск, 2007. С. 265–268.
6. Иванов И.В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Казаков Е.А. «Конституция развитого социализма» – взгляд из оппозиции // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 46–54.
8. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб. : Изд. ЕУ СПб, 2008. 544 с.
9. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М. : МИК, 1994. 336 с.
10. Зиновьев А. Гомо Советикус. М. : Московский рабочий, 1991. 414 с.
11. Левада Ю. Человек советский. URL: <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : НЛО, 2014. 664 с.
13. Стрекалов И.Н. Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу о создании. М. : Алгоритм, 2018. 432 с.
14. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М. : НЛО, 2014. 1104 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 131. Д. 83.

16. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 171.
17. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 169.
18. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 68.
19. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 80.
20. Thompson E.P. The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century // *Past & Present*. 1971. № 50. P. 76–136.
21. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
22. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. № 1 (3/4). С. 299–323.
23. Latvijas Valsts arhīvs (Латвийский государственный архив). Ф. 101. Оп. 42. Д. 70.
24. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 170.
25. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 84.
26. Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
27. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 104.
28. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 175.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 августа 2020 г.

“Every Line of the Draft of the New Constitution Is Imbued with Concern for Soviet People”: Ideas of Justice and Morality in the Discussion of the 1977 Draft Constitution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 164–172.

DOI: 10.17223/15617793/460/20

Ilya. N. Strekalov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: strekalov4@gmail.com

Aleksandr A. Fokin, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: aafokin@yandex.ru

Keywords: 1977 Constitution; Soviet society; moral economy; letters to government; Soviet society.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-09-00218.

The national debate on the 1977 Constitution was one of the mechanisms for interaction between the authorities and society. The analysis of citizens' proposals shows that there were many groups and points of view in Soviet society. This serves as a basis for criticizing the popular concept of Homo Sovieticus. The concept of Homo Sovieticus presupposed the presence of passive and non-initiative people, who were objects rather than subjects of public life. Within the framework of the methodology of the history of everyday life, it is worth paying attention to the voices “from below”, which will reveal multiple points of view on the Soviet system, and show the activity and subjectivity of Soviet citizens. The source base of the study was the archival materials of the National Discussion of the Draft Constitution of 1977, kept in the funds of the Supreme Soviet of the USSR State Archive of the Russian Federation and in the Latvian State Archive, which allows looking at the situation from a regional perspective. There were no mass popular uprisings within the framework of the discussion of the 1977 Constitution, but many amendments bear the traces of socialist order violations. In the opinion of a considerable number of citizens, the new Constitution, as the main law of the country, was supposed to correct those aspects of the Soviet everyday life that did not fit into the idea of what was right. Most of the proposals concerned changes in specific aspects of life within the system, rather than its fundamental restructuring. People saw the main problems in the discrepancy between their ideas about the correct and fair structure of Soviet society and the elements of reality they faced in everyday life. In the opinion of a significant number of citizens, the new Constitution, as the basic law of the country, was supposed to correct those aspects of Soviet daily life that did not fit in with the idea of what was right. Among the popular topics were: equality of all citizens of the USSR, gender gap between men and women, economic justice, etc. Archival materials show that the National Discussion of the 1977 Draft Constitution was perceived by the population as an effective mechanism for interaction with the authorities and an opportunity to solve pressing problems. A significant part of the population actively participated in the ideological campaign: they did not limit themselves to ritual phrases, but proposed to fix in the text of the Constitution their own ideas about how the Soviet society should be organized. In most cases, these proposals were related to the authors' personal experience. That is why we see quite a wide range of ideas that were circulating within the Soviet society. Soviet people were not passive objects; they perceived themselves and acted as subjects of the Soviet system. Although in practice not all proposals of the population were reflected in the final text of the 1977 Constitution, but the party and state apparatus received data about problems and expectations of the population, which later on were reflected in the adoption of laws.

REFERENCES

1. Zlokazov, G.I. (1984) *Dokumenty vsenarodnogo obsuzhdeniya proekta novoy Konstitutsii SSSR kak istoricheskiy istochnik* [Documents of the nationwide discussion of the draft of the new Constitution of the USSR as a historical source]. Moscow: Nauka.
2. Kronskiy, V.S. (1985) Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1977 goda v razvitiy zakonodatel'stva [The nationwide discussion of the 1977 draft Constitution of the USSR in the development of legislation]. *Pravovedenie*. 2. pp. 42–46.
3. Medushevskiy, A.N. (1997) *Demokratiya i avtoritarizm: Rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective]. Moscow: ROSSPEN.
4. Sheynis, V.L. (2014) *Vlast' i zakon: Politika i konstitutsii v Rossii v XX–XXI vekakh* [Power and law: Politics and constitutions in Russia in the 20th and 21st centuries]. Moscow: Mysl'.
5. Bychkov, V.A. (2007) [Discussion of the 1977 draft Constitution of the USSR on the pages of periodicals]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri* [150 years of periodicals in Siberia]. Conference Proceedings. Tomsk. 19–20 April 2007. Tomsk: TML-Press. pp. 265–268.
6. Ivanov, I.V. (2016) *Obshchestvennoe obsuzhdenie kak konstitutsionno-pravovoy institut v Rossiyskoy Federatsii* [Public discussion as a constitutional and legal institution in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Kazakov, E.A. (2018) “The Constitution of Developed Socialism” From an Oppositional Point of View. *Magistra Vitae*. 1. pp. 46–54. (In Russian).
8. Firsov, B.M. (2008) *Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki* [Dissent in the USSR. 1940s–1960s: History, theory and practice]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.
9. Geller, M. (1994) *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetского cheloveka* [Machine and screws. The history of the formation of Soviet people]. Moscow: MIK.

10. Zinov'ev, A. (1991) *Gomo Sovietikus* [Homo Sovieticus]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
11. Levada, Yu. (2004) *Chelovek sovetskiy* [Homo Sovieticus]. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2004/04/15/levada/>.
12. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last Soviet generation]. Moscow: NLO.
13. Strekalov, I.N. (2018) *Poslednyaya Konstitutsiya Sovetskogo Soyuz. K voprosu o sozdanii* [The last Constitution of the Soviet Union. On the question of creation]. Moscow: Algoritm.
14. Mel'nichenko, M. (2014) *Sovetskiy anekdot (Ukazatel' syuzhetov)* [The Soviet joke (Index of plots)]. Moscow: NLO.
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 83.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 171.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 169.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 68.
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 80.
20. Thompson, E.P. (1971) The Moral Economy of the English Crowd in the 18th Century. *Past & Present*. 50. pp. 76–136.
21. USSR. (1977) *The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary Seventh Session of the Supreme Soviet of the USSR of the Ninth Convocation on October 7, 1977)*. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1977/red_1977/5478732/.
22. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [The state construction of gender in Soviet society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 1 (3/4). pp. 299–323.
23. Latvijas Valsts arhīva (Latvian State Archive). Fund 101. List 42. File 70.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 170.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 84.
26. Meerovich, M.G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937* [Punishment by Housing: The Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People. 1917–1937]. Moscow: ROSSPEN.
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 104.
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7523. List 131. File 175.

Received: 31 August 2020